

На правах рукописи,

003450396

Малыгина Инна Юрьевна

**ХУДОЖЕСТВЕННАЯ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ АБСУРДА
В ПОЭЗИИ Д. ХАРМСА
(АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

10 01 01 – Русская литература

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

23 ОКТ 2008

Ставрополь – 2008

Работа выполнена
в ГОУ ВПО «Ставропольский государственный университет»

Научный руководитель: доктор филологических наук профессор
Бронская Людмила Игоревна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук профессор
Демнина Людмила Ивановна

кандидат филологических наук доцент
Ганжара Ольга Анатольевна

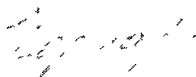
Ведущая организация: ГОУ ВПО «Южный федеральный
университет»

Защита состоится «20» ноября 2008 г в 11 часов на заседании диссертационного совета ДМ 212 256 02 при Ставропольском государственном университете по адресу 355009, Ставрополь, ул. Пушкина, 1, корпус 1-а, ауд. 416

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Ставропольского государственного университета по адресу 355009, Ставрополь ул. Дзержинского, 120

Автореферат разослан «1» октября 2008 года

Ученый секретарь
диссертационного совета

И. К. Черная

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Даниил Иванович Хармс (Ювачев, 1905–1942) вошел в историю мировой литературы как «балагур» и «чудесник», «чудак» и «миегификагор», с одной стороны, и как «поэт нового мироощущения, нового искусства», писатель-мыслитель, с другой. Сочетаемость несочетаемого выступает сегодня характеристикой писателя как реального лица, его философско-эстетического метода, принципа творения художественной реальности. Стремление Д. Хармса быть «в жизни тем же, чем Лобачевский был в геометрии» принесло свои плоды. Сегодня творческое наследие Д. Хармса, перефразируя высказывание В. И. Глоцера, – как ни на что не похожие камешки в мозаике русской литературы 1920–30-х годов, которые, отмытые временем, как морем, стали еще сильнее отпирать свои тайны ответственностью, загадочностью.

Обращение к теме «Художественная репрезентация абсурда в поэзии Д. Хармса (антропологический аспект)» не является случайным. Об абсурде применительно к творчеству Д. Хармса в трудах отечественных и западных литературоведов, философов, культурологов сказано немало. «Классик» абсурда – таково восприятие поэта в науке нашего времени. Приведем в подтверждение несколько высказываний ведущих хармсоведов: «Хармс интересовался, без сомнения, абсурдом: его привлекали нелепые, странные и логические ситуации» (Д. В. Токарев), «в рассказах Хармса абсурдность выступает в качестве само собой разумеющегося, всеохватывающего принципа существования не одного только лица, но и целого сообщества» (В. Н. Сажин), «все ужасы жизни, все ее нелепости стали не только фоном, на котором разворачивается абсурдное действие, но и в какой-то мере причиной, породившей самый абсурд, его мышление» (В. И. Глоцер).

История вопроса начинается с метапоэтического дискурса – с рецензии представителями обэриутско-чингарского круга собственного творчества. Об этом свидетельствуют многочисленные дискуссии представителей ОБЭРИУ о своих текстах и произве-

дениях членов группы в личной переписке, в открытых письмах (например, открытое письмо Н А Заболоцкого «Мои возражения А И Введенскому, авторитету бессмыслицы»), на литературных вечерах, встречах («Разговоры» Л С Лишавского) К начальному этапу истории хармсоведения следует отнести и первые критические материалы по поводу выступлений обэриутов, воспринимающихся «литературными хулиганами» (Л Нильвич), «балаганщиками, доводящими дело до неблагополучного конца» (Л Лесная).

Хранителем и первым интерпретатором наследия Д Хармса стал Я С Друскин, положивший своими трудами начало динамичному развитию хармсоведения в России. Параллельно с исследовательской деятельностью шла серьезная текстологическая работа: собрание произведений Д Хармса, вышедшее в Бремене в 4-х томах (ред М Мейлах, В Эрль) – сборник произведений Д Хармса «Полет в небеса» (сост А А Александров), философские тексты обэриутов в журнале «Логос» (1993 г., подгот А Герасимова), «Меня называют капуццином. Некоторые произведения Даниила Ивановича Хармса» (сост, подгот А Герасимова). Полное собрание сочинений Д Хармса в 4-х томах (ред В Сажин) Работа в архивах, личные встречи с современниками, близкими Д Хармса позволили В Н Сажину А А Александрову, В И Глоцеру, А А Кобринскому собрать многочисленные материалы из жизни писателя, на основе которых была составлена его биография.

Активное развитие хармсоведения началось с конца 1980-х гг., когда в печати стали публиковать исследования, освещающие своеобразие художественного творчества Д Хармса в целом и отдельных произведений писателя в разных аспектах (это, в свою очередь, было обусловлено появившейся возможностью «свободного» знакомства с произведениями писателя в России того периода). Безусловно, фундаментальными трудами на сегодняшний день можно считать работы Ж-Ф Жаккара «Даниил Хармс и конец русского авангарда» (1995), М Б Ямпольского «Беспамятство как исток (Читая Хармса)» (1998), Д В Токарева «Курс на худшее. Абсурд как категория текста у Даниила Хармса и Сэмюэля Беккета» (2002). Основу хармсоведческого дискурса составляют также диссертации

А. Г. Герасимовой, А. А. Кобринского, И. В. Кукулина, И. А. Масленковой, Н. В. Гладких, Ф. В. Кувшинова

Хармсиздат подкреплялось и рядом статей, развивающих магистральные направления в изучении наследия писателя: эстетика абсурда (Е. П. Беренштейн, В. Вахрушев, В. С. Воронин, Я. Шенкман), прагматика текстов (Ю. М. Валнева), жанровая специфика (Ю. Гирба, А. А. Добрыцын, Я. Шенкман), мифологический аспект (К. Дроздов), лингвистика обрзнутского текста (Е. Бабаева, А. А. Кобринский, И. Е. Люцилов, Ф. Успенский, М. М. Шапир, Б. Ф. Шифрин), смеховое начало (Е. Ю. Рог, А. Черынский), философский подтекст произведений (О. Карпакова, Д. С. Московская, А. Н. Рымарь), мистическая символика, проблематика (А. Т. Никитавев, А. Н. Рымарь, С. Синг), проблема «детских» и «взрослых» текстов (А. Б. Оболенец, В. Платоненко, С. Прокофьева, А. Стригалева, Л. И. Черемиснинова), архитекtonика, сюжетно-композиционное построение (Ф. В. Кувшинов, Т. В. Цвигун, А. Н. Черняков). Безусловно, следует отметить и коллективные труды «Хармсиздат представляет Исследования Эссе Воспоминания Каталог выставки Библиография» (1995), «Хармсиздат представляет: Советский эрос 20–30-х гг.» (1997), «Хармсиздат представляет Авангардное поведение» (1998), «Столетие Даниила Хармса» (2005).

Актуальность данного исследования обусловлена рядом причин. Несмотря на плотное изучение в современном отечественном литературоведении творческого наследия Д. Хармса проблема человека в абсурдистских текстах поэта сегодня практически не исследована. Вопросы взаимодействия героя с окружающей действительностью (природным началом, социумом и мирозданием в целом) до сих пор привлекали внимание лишь некоторых ученых (Е. П. Беренштейн, А. А. Кобринский, Е. Г. Красильникова, Ф. В. Кувшинов, И. В. Кукулин, С. Прокофьева, Д. В. Токарев). Однако при этом большинство работ перечисленных авторов не являются специальными исследованиями по проблеме человека в художественном мире Д. Хармса. Таким образом, данное исследование послужит начальным этапом в восполнении существующего пробела в истории литературы по вопросу специфики антропологического дискурса поэзии обрзнута.

На наш взгляд освещение специфики взаимодействия абсурда и литературы через призму художественного осмысления проблемы человека в стихотворных текстах Д. Хармса позволяет также полнее представить художественный мир писателя, осмыслить глубинные пласты его творчества, раскрыть скрытые авторские интенции.

Научная новизна работы заключается в попытке реконструирования целостной картины мирообраза, бытия человека в поэзии Д. Хармса. Впервые в антропологическом аспекте на материале стихотворных произведений обэриута раскрываются способы репрезентации абсурда, проводится комплексный анализ типов героя, разрабатывается их классификация.

Объектом исследования является поэзия Д. Хармса, представленная совокупностью стихотворных текстов, написанных в период с 1925 по 1938 гг. Отдельно оговорим вопрос цитируемых текстов. Сегодня общим местом в хармсоведении выступает тезис о множественности текстологических ошибок в разных изданиях произведений Д. Хармса, что обусловлено в первую очередь сознательной писательской установкой на ненормированность в области орфографии, пунктуации. На эту проблему указывали в разное время А. А. Кобринский, В. И. Глоцер, М. Мейлах, В. Эрль, М. Шапир, Ж.-Ф. Жаккар, Ф. Кувшинов и др. Поэтому нами для цитации взято одно из солиднейших изданий произведений Д. Хармса, где соблюдаются авторские орфография и пунктуация: собрание сочинений составлено и откомментировано В. И. Сажиним – ведущим литературоведом в области «обэриуоведения» (Хармс Д. Полное собрание сочинений. В 4 т. – СПб. 1997–2001). **Предмет** исследования – индивидуально-авторская картина бытия человека, представленная в поэзии Д. Хармса.

В качестве **материала** используются дневниковые записи поэта 1910–1941 гг., письма друзьям, родственникам, отражающие жизненные творческие и мировоззренческие авторские интенции, мемуары и воспоминания друзей, членов чинарско-обэриутского круга, родственников писателя (Е. И. Гришиной, М. В. Малич, Я. С. Друскина, Л. Друскиной и др.). Для выяв-

ления особенностей антропонимического дискурса в текстах обрнута нами привлекаются и проза Д. Хармса.

Цель исследования – раскрыть способы репрезентации абсурда в поэзии Д. Хармса в антропологическом аспекте.

Поставленная цель определила ряд **задач** исследования:

- проанализировать теоретические аспекты изучения абсурда в гуманитарном дискурсе;
- выявить особенности проявления абсурда в поэзии Д. Хармса на уровне внешнего плана изображения героя (портрет, имя);
- представить типологию хармсовских героев в стихотворных текстах обрнута;
- выделить доминантные философские установки героев Д. Хармса в аспекте диалогического взаимодействия человека и природы;
- раскрыть значимость метафизических категорий «Бог», «Время» и «Смерть» в мировоззрении персонажей в поэзии Д. Хармса.

Поставленная цель и задачи определили **методологию** исследования, основанную на комплексном подходе с использованием историко-генетического, сравнительно-типологического, структурно-семантического методов и метода описательной поэтики, что, в свою очередь, помогло нам воссоздать целостную картину эстетического мировоззрения Д. Хармса, раскрыть особенности творческой индивидуальности поэта.

Теоретической основой исследования послужили труды О.Д. Бурениной, В.С. Воронина, Е.Г. Доценко, Г.С. Померанца, разрабатывающие проблему взаимодействия абсурда и литературы. В плане изучения черт поэтики стиля Д. Хармса для нас важны статьи и монографии В.И. Гюцера, Я.С. Друскина, Ж.-Ф. Жаккара, А.А. Кобринского, А.Н. Рымаря, В.Н. Сажина, Д.В. Токарева, М.Б. Ямпольского и др.

Теоретическая значимость работы заключается в систематизации теоретических аспектов изучения категории «абсурд» в конкретизации функциональной роли абсурда в авангардном искусстве, в комплексном исследовании проблемы человека в поэзии Д. Хармса, способов художественной репрезентации абсурда в стихотворном наследии писателя.

Практическая значимость диссертации определена возможностью применения результатов исследования в рамках преподавания курсов в высшем учебном заведении (курсы «История русской литературы XX века», курсы специализации «Актуальные проблемы русской литературы XX века», «Человек в русской литературе XX века» и др.) Материалы диссертации могут учитываться при разработке спецкурсов, элективных курсов, спецсеминаров как в высшем учебном заведении, так и в среднем

Положения, выносимые на защиту:

1 Абсурд – ключевая категория эстетики ОБЭРИУ, определяющая своеобразие творческого наследия представителей группы. В поэзии Д. Хармса абсурд выступает в качестве основополагающей характеристики художественной реальности и доминанты индивидуальности писателя.

2 Абсурд в поэзии Д. Хармса проявлен во внешнем плане изображения героя (портрет, имя). Трансформации персонажей ярче всего показаны на уровне телесной организации (зоо-, фито-, антропоморфизм). Абсурд в аспекте номинации героя проявлен в намеренном употреблении распространенных или же «фантастических» имен.

3 В поэзии Д. Хармса выделяются следующие типы героев: сомнамбулический (принцип «жизнь есть сон»), депрессивный (отсутствие жизненных интересов, чувство собственной неполноценности), душевнобольной (защита от алогичности окружающего мира – смех), аддитивный (психотропные средства как одна из причин разрушения окружающего универсума), тревожный (страх как блокиратор сознания, детерминант неопределенности, алогичности действий героя).

4 Человек в поэзии Д. Хармса мыслит себя как часть природного мироздания, что проявлено и во внешнем описании персонажей, и в их мировоззренческой позиции. Он – центральное звено в цепи мироздания, медиатор небесной и земной стихий. Идея «единения» лежит в основе авторского видения места человека в мире (устремленность героя в небо или сращение его с землей).

5 Метафизические категории «Бог», «Время» «Смерть» — основополагающие в мировоззрении героев Д. Хармса. Абсурд в текстовой реальности проявлен в авторском совмещении христианских и языческих представлений, в переоценке традиционных взглядов на метафизические категории (герои стремятся к смерти, время нарушает физические законы, смерть и ее символы в сознании персонажей приобретают положительное значение)

Апробация работы материалы и результаты диссертационного исследования обсуждались на кафедре истории новейшей отечественной литературы Ставропольского государственного университета, на международных и всероссийских научных конференциях. Основные положения диссертации отражены в 21 публикации в сборниках по материалам конференций, проходивших в Ереване (2006), Москве (2005, 2006, 2008), Санкт-Петербурге (2005, 2008), Волгограде (2005), Омске (2005, 2006), Ростове-на-Дону (2006), Ставрополе (2006, 2008), Самаре (2006), Орле (2006), Армавире (2006, 2007, 2008), Астрахани (2007), в одном из ведущих рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК «Вестнике Ставропольского государственного университета» (Ставрополь, 2007), в рецензируемом научном, в научно-теоретическом и прикладном журналах (Тамбов, 2007, 2008), а также на литературоведческом сайте, посвященном жизни и творчеству Д. И. Хармса (2006)

Структура и объем диссертации работа состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, насчитывающего 223 наименования, и приложений, содержащих наглядный материал (репродукции художников-сюрреалистов и супрематистов Дж. де Кирико, Р. Магритта, К. Малевича), подтверждающий достоверность ряда заявленных в работе тезисов. Объем диссертации — 189 с.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во Введении освещается история вопроса, определяются актуальность, новизна, предмет, объект, материал, цель, задачи, методология, положения, выносимые на защиту, теоретическая основа теоретическая и практическая значимость, апробация и структура работы

Первая глава «Историко-теоретический анализ абсурда» начинается с изучения теоретических аспектов исследования абсурда в гуманитарном дискурсе рассматриваются ключевые характеристики категории, основные подходы к ее трактовке, история развития понятия в русле философской и литературоведческой мысли. Таким образом, понятие «абсурд» исследуется нами как на диахронном, так и на синхронном уровнях.

Проследив эволюцию взглядов на категорию «абсурд» в разные эпохи мировой истории, мы пришли к выводу, что абсурд понимался в философской мысли и как беспредметное слово/высказывание, и как результат нарушения традиционных законов логики, и как то, что невозможно помыслить, а, следовательно, лежащее за пределами человеческого разума. Категория «абсурд» в литературоведении, как и в других отраслях научного знания, остается одной из востребованных с позиций анализа, осмысления. Резко негативная оценка абсурда отечественными литературоведами и критиками в 1960-е гг (С. Великовский, Л. Копелев, Л. Щепилова), слабый интерес к категории в 1970–80-е гг сменился возросшим вниманием исследователей к изучению абсурда в 1990–2000-х гг. Последний период можно смело называть «золотым» этапом «абсурдологии» в России, когда количество работ по изучению абсурда значительно увеличилось. Г. Померанц (1995), М. Ямпольский (1998), Е. Ключев (2000), О. Черноризская (2001), Д. Токарев (2002). В этом ряду находится и сборник статей «Абсурд и вокруг» под редакцией О. Бурениной (2004). В силу продуктивной разработки понятийного аппарата, методологий исследования в отечественной науке конца XX в. знания в области теории абсурда значительно обогатились.

Учитывая разнородные трактовки абсурда, можно выделить доминантные признаки феномена, способы его порождения и репрезентации «Абсурд» — это категория, обладающая импlicitным смыслом, возникающая только при условии наличия нормы. Функциональным свойством абсурда является его способность указывать на ошибку.

В отечественном литературоведении существует ряд концепций авангарда, условно обозначенные как *призматическая* (Н. Ю. Иваношина, Е. В. Гырышкина, В. И. Тюпа, М. М. Шапир), *историческая* (О. Клинг, И. Смирнов, Р. Деринг-Смирнова), *семiotическая* (Н. С. Спроткин, Г. В. Цвигун), *бессоборческая* (Г. Беляя, М. Эпштейн), *мифологическая* (Вяч. Вс. Иванов, А. Ф. Лосев, Т. В. Цивьян, Д. Л. Шукуров). С учетом этих трактовок определяются субстанциональные признаки авангардного искусства: отрицание старых традиций, новый «раскрепощенный» (термин К. Э. Штайн) язык, особый набор приемов конструирования текста, эпатажность, архетипическая основа.

В совокупности все признаки авангарда составляют определенную модель абсурдной эстетики. Тексты авангардного искусства по своей природе алогичны, что проявляется на разных уровнях организации художественной ткани. Этот вывод подтверждается рядом высказываний отечественных исследователей: «абсурд, сопровождающий кризисную фазу культуры или отдельные направления и методов, можно рассматривать и в качестве побудителя и в качестве начальной фазы большинства авангардных явлений» (О. Д. Буренина), «абсурдистский текст является разновидностью авангардистского» (А. Б. Оболенец), «круг (на сегодняшний день) замкнулся от Семiotики — через Философию — мы пришли к Авангарду (с его Абсурдом)» (Ю. С. Степанов) и др. Таким образом можно утверждать, что абсурд есть квинтэссенция эстетической платформы авангарда.

Контекстуальный обзор эстетики ОБЭРИУ в рамках его функционирования в авангарде позволил определить, что одной из ключевых особенностей художественной системы, созданной обэриутами, выступает абсурдность. Это подчеркнуто в первую очередь

в «Декларации ОБЭРИУ» абсурд как определенный способ мировидения а также как метод познания, помогает шире и глубже раскрыть, осмыслить бытие. Подтверждение этому мы находим и в исследованиях отечественных, западных литературоведов (И. М. Сахно, В. Адмони, D. Cheron, N. Carrick и др.). Наиболее показательна в этом отношении позиция И. М. Сахно, которая определяет эстетику обэриутов как «крайний абсурд».

Во внутритекстовой реальности произведений обэриутов абсурд детерминирован следующими типичными состояниями героев: сон, депрессия, сумасшествие, испуг, наркотическое/алкогольное опьянение. Наиболее активно используемым абсурдопорождающим фактором в поэзии Д. Хармса, А. Введенского, К. Вагинова выступает сон. В результате анализа ряда текстов перечисленных авторов мы пришли к выводу, что у писателей-обэриутов художественная реальность замещается ирреальным пространством. Человек унижается под давлением «сонной» действительности, он вынужден жить в границах этой среды. Онтологический смысл выступает доминантным смыслом концепта «сон» в творчестве представителей ОБЭРИУ, дополнительный оттенок мегафизики акцентируется в текстах А. Введенского, а аксиологии – у К. Вагинова.

Во второй главе «Образ человека в поэзии Д. Хармса: синтез абсурдного и реального» выявляются особенности проявления абсурда с точки зрения интерпретации внешнего плана изображения героя (портрет, внешний облик, имя), определяются основные черты лица персонажей, особенности их телесной организации, рассматриваются преобразования с регулятивной, чувственной сферами, представляется типология хармсовских героев, разработанная на основе идентификации их сознания.

Абсурд в текстах Д. Хармса репрезентируется в первую очередь на уровне внешнего выражения героя. Человек в художественном мире поэта-обэриута имеет специфический облик: портрет героя абрисного типа, голова конусообразной или овальной формы (влияние эстетической традиции супрематистов и сюрреалистов), в ней возможно наличие инородных предметов, часть лица может отсутствовать.

Д. Хармс лишает своих героев голоса, слуха, памяти и движения («Где я потерял руку?», «Искушение», «Человек берег косу », «игнес игнес », «Ваньки встаньки [II]», «Авиация превращений», «Теперь я окончательно запугался» и др.). С ними происходят различные трансформации: для героев нормальным является наличие пятнадцати рук, либо вообще отсутствие рук, ног, когда тело ломается. Люди изображены со ступнями-пароходниками, сердцем-творогом, ногами-стрелами, руками-раками. Таким образом, трансформации с человеческим телом у Д. Хармса ярче всего проявлены на уровне телесной организации героев. Однако все эти внешние отвратительные и уродливые черты хармсовских героев не мешают им активно существовать и действовать в художественном континууме: другие персонажи не обращают внимания на эти отклонения, а сами герои не рассматривают их как ненормальные, выходящие за пределы заданного законами природы строения человеческого тела.

В поэзии Д. Хармса воссоздается определенный тип диалогических отношений человека и природы, отражающийся на уровне телесной организации персонажа и в поведенческой, характерологической сферах. В хармсовском мире частотны мутационные преобразования с внешностью. Замещение значимой части лица или тела предметами, животными, растениями наблюдается в ряде стихотворений: «Зтое собрание НЕверных», «Неужели это фон. », «1 Фокусы» и др. Зоо-, фиго- и антропоморфизм рассматриваются нами как один из способов репрезентации абсурда в поэзии Д. Хармса.

Проявление в человеческом поведении животного начала — зооморфизм — связано с тесным сплетением *homo sapiens* с природой. Подобные «внутренние» трансформации мы раскрываем посредством анализа образов человека-шакала («Тихо падала сосна », «Ваньки встаньки [II]»), человека-медведя («Прогулка») человека-птицы («Гуляли мы с братом на нашем дворе »). Абсурдность в поэзии Д. Хармса проявляется не только в совмещении человеческого и животного начал в одном персонаже, но и в совокупной неразличимости людей и зверей («Архитектор», «Нет ответа. Камень скок »).

«Авиация» превращений хармсовских героев продолжена рядом растительного характера – фитоморфизм. Человек в поэзии обзриута может быть цветком («Прогулика», «Ку Шу Тарфик Ананан», «Тюльпанов среди хореев», «Сладострастная горговка», «Генрих Левин»), деревом («Жизнь человека на ветру»), кустом («Осса»), бревном («Иван Топорышкин»), табуретом («Молвил Карпов я не кит ») не только в плане внешнего выражения, но и в аспекте характерологической сферы (намн предлагается подробный анализ героев женского и мужского пола, соотносимых с цветами)

В текстах Д. Хармса возможны и обратные превращения, когда у животного появляется часть человеческого тела – антропоморфизм. В художественном наследии поэта трансформациям подвержены чаще всего насекомые и птицы («I Фокусы», «Осса»). Б. К. Лившиц охарактеризовал одну из граней эстетической системы 1920–30-х гг. как «антропоморфизм в квадрате». Этот прием – один из излюбленных способов репрезентации абсурда в текстовой реальности хармсовской поэзии.

Итак, зоо-, фито- и антропоморфизм в стихотворных текстах Д. Хармса объясняются неразрывным имплицитным единством хармсовского героя с природой. Отсюда можно говорить об особом типе выражения внутренней сущности персонажа, когда происходит бессознательное уподобление себя животному, растению, замещение человеческих признаков звериными, растительными.

Абсурд в поэзии Д. Хармса репрезентируется и в ономастическом пространстве текстов. В изучении данного аспекта мы расширяем объект исследования, включая в круг анализируемых источников прозу, детские и драматические произведения Д. Хармса. Это обусловлено тем, что имена в художественном мире поэта повторяются, «живут» в едином пространстве эстетической системы.

Д. Хармс сознательно деиндивидуализирует персонажа, намеренно опустошает значение его имени. Первый прием воплощения абсурдности – использование распространенных в русской культуре имен, отчеств, фамилий. Часто повторяющимися становятся имена Иван, Петр, Мария, Катя, Наташа, отчества Иванов-ич/-ни

(Иваныч), Петров-ич/-на, Павлов-ич/-на (Палыч) Федоров-ич/-на, фамилии Петров, Бобров, Каблуков, Карпов, Кондратьев, Петраков, Пятаков и др. Данный прием у Д. Хармса акцентирует не национальную принадлежность человека, а его безликость, анонимность, неразличимость.

Второй способ реализации абсурда – «фантазмагорически-нечеткие» антропонимы. Среди них можно выделить достаточно оригинальные фамилии: Брабонатов, Сенерифактов, Кульдыхонни, Амгустов, Черчериков, Холбин, Акинтетерь, Рундадаров, Обернибесов, Ипермалдеев и др. Такие фантазмагорические фамилии не индивидуализируют героев, не служат маркерами какой-либо черты образа (как, например, это происходит в произведениях Д. И. Фонвизина, Н. В. Гоголя, Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова), а подчеркивают смеховое начало в герое.

Среди других приемов реализации абсурда в текстовой реальности Д. Хармса можно отметить прием столкновения разных историко-культурных контекстов, прием использования имен-культурных знаков план выражения которых (т.е. их звуко-графическая оболочка) берется в неизменном виде, а план содержания наполняется авторским пониманием образа (Пушкин, Толстой, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Есенин, Микеланджело, Малевич, Архимед, Бергсон, Адам, Ева, Ной, Сусанин, Николай II, Колумб), прием называния персонажей именами немецкого, еврейского происхождения в сочетании с русскими фамилиями, или наоборот (Вера Яковлевна Прусси, Елизавета Эдуардовна/Михайловна Бам, Фердинант Гюльпанов/Пятаков, Генрих Левин, Петр Келлер и др.).

В поэтическом мире Д. Хармса герои отличаются искривленным, больным сознанием, которое и помогает им уживаться в абсурдной реальности, не поддающейся логическому и рациональному осмыслению. Главным источником абсурда выступает сознание человека, которое диктует и контролирует деятельность, поведение человека. В соответствии с этим мы разрабатываем типологию героев в поэзии Д. Хармса на основе идентификации носителя сознания и выделяем пять типов героев, дав им условные названия.

– «сомнамбулический» тип героя отличается от других ярко выраженным моментом восприятия окружающей действительности как иллюзорной, ирреальной. Этот тип героя самый распространенный в поэзии Д. Хармса, поскольку продиктован перевернутым, искаженным внешним миром. Объединяющим началом для персонажей данного типа является правило «жизнь есть сон», согласно которому строится их мировоззрение («Мчится несец меж домами . », «Пророк с Аничкиного моста», «Дачная ночь», «Подруга», «Разрушение», «Дремлет стол скамья и стул » и др.)

– психическое состояние «депрессивного» типа героя объясняется, во-первых, отвержением и неприятием окружающего уродливого мира (для гармоничного существования в мире, к которому стремится герой, необходимо слиться воедино со средой своего пребывания), во-вторых, внутренней трагедией (чаще всего это любовный разлад, отказ во взаимности чувств со стороны желаемого человека). Первая ситуация отражена в стихотворениях «Выходит Мария отвесив поклон », «Ехал доктор из далека », «Я не », «Радость», «Ку Шу Тарфик Ананан», «игнес игнес », «Жизнь человека на ветру» и др., а вторая – в «Страсти», «Искушении», «О том, как Иван Иванович попросил, и что из этого вышло» и др.,

– герой «душевнобольной» рассмотрен в рамках традиций народно-смеховой культуры. В стихотворных текстах Д. Хармса смех возникает как реакция на страх, способствуя отрешению от последнего. Отсутствие рассудка у героев позволяет воспринимать окружающую среду легко, а вопрос смерти снимается сам собой, поскольку выходит за пределы значимых метафизических феноменов («Авнация превращений», «Фадеев Калдеев и Песпермалдеев» и др.),

– герой «адаптивного» типа подвержен влиянию наркотиков, алкоголя и других психотропных средств. Указание на обязательное наличие в реальном мире человека симулякров, является, во-первых, одной из причин разрушения окружающего универсума, во-вторых, важнейшим элементом, действующим на человека в текстах Д. Хармса, в-третьих, средством порождения абсурдной действительности («В смешную ванну падал друг », «Постоянство веселья и грязи», «Гости радостно пируют»),

– герой «тревожный» Страх – важнейшая причина порождения абсурда Фобии перекрывают сознание героев, заставляя их мучиться, страдать и находиться в состоянии неопределенности, вызывающей к жизни алогичные ситуации («Я плавно думать не могу », «I Фокусы») К данному типу относятся многочисленные фигуры солдат, изображенные в поэзии Д. Хармса Люди в бою не могут адекватно воспринимать происходящее, правильным выбором для них является спасение своей собственной жизни Потому происходит своеобразное оправдание смерти и убийства другого человека, т.е. абсурд с точки зрения общечеловеческих ценностей («Ваньки встаньки [II]», «В репей закутанная лошадь », «Конец героя», «Казачья смерть», «Два полководцев разговор ...», «Стих Петра Яшкина-коммуниста» и др.)

Подобная классификация на наш взгляд, объясняет способы возникновения абсурда в текстах поэта-обэриута и восполняет существующий пробел в хармсоведении и, соответственно, в истории русской литературы первой половины XX в. в аспекте типологии героев в поэзии Д. Хармса

В третьей главе «Философские воззрения человека в поэзии Д. Хармса» раскрывается специфика диалогического взаимодействия человека и природы на уровне философских убеждений героев, выделяются доминантные установки персонажей, определяются сущность и значимость метафизических категорий «Бог», «Время» и «Смерть», образующих мировоззренческое видение человека в поэзии Д. Хармса

Рассмотрев онтологическую модель взаимодействия человека и природы на уровнях телесной организации и поведенческой, характерологической сфер персонажа мы переходим к анализу философской базы самоопределения героя с точки зрения его связей с природным началом

В основе хармсовского видения места человека в мире лежит идея «единения», которая воплощается в тексте через художественные приемы изображения героя устремленность человека в небо и сращение его с землей Реализация данной философской позиции вынуждает абсурдные действия, поступки персонажей Мотив

полета является одним из самых распространенных и значимых в поэтическом наследии Д. Хармса («Чтобы в пулю не смеяться», «Стихи, лежащие перед тобой», «Звонитьлететь (третья дисциplinитная логика)» («Карпагами-горбагами» и др.). В мире стихотворений поэга-обэриута нет ничего невозможного (герой легает либо с помощью поскоронних предметов (подробно нами анализируется метла), либо самостоятельно). Неразрывное же существование хармсовских героев с землей маркировано в текстах сращением человека с почвой, стремлением к соединению с ней («Ку Шу Тарфик Анапан», «Хлоп! Хлоп! Хлоп!», «Ехал доктор из далека», «Я пел» и др.).

Таким образом, человек в поэзии Д. Хармса приобретает особый статус – находясь во вселенском пространстве, он сопрягает в себе все бытие. Герой берет на себя функции посредника, т.е. медиатора. Человек соединяет небо с землей, главная его задача – сохранение устойчивости мировой оси, вселенской целостности.

Концептуальными понятиями в мироощущении героев Д. Хармса выступают метафизические категории «Бог», «Смерть», «Время». В художественном континууме поэзии Д. Хармса Бог присутствует как непреходящая абсолютная сила, изображаемая в рамках классического представления об образе Всевышнего (добрый седовласый старичок на небесах). Он начинает новый день («Утро (пробуждение элементов)»), исходит к людям («Как страшно тают наши силы», «Девушки только часть вселенной»), наказывает жителей земли («Гнев Бога поразил наш мир»), является спасительной субстанцией перед смертью человека («По дорогам и пустыням»), и только Бог остается после разрушения мира в огромном Ничто («Что делать нам?»).

Знаковыми в художественной системе поэга-обэриута выступают символы рыбы (олицетворение образа Христа) и воды (очищающая духовная сила). Смерть настигает героев в воде (частотен для поэтики Д. Хармса мотив утопленничества), тем самым перед физической смертью человек пытается очиститься, пройти божественное крещение («Однажды Бог ударил в плечо», «Песнь», «Вода и Хню», «Купался грозный Петр Палыч» и др.).

В текстах Д. Хармса абсурд высвечивается через сочетание традиционных христианских постулатов с языческими представлениями. Это реализуется в стихотворениях посредством введения в художественную реальность героев-колдунов, представителей темных, погусторонних сил. В этом аспекте обращает на себя внимание частотный образ хармсовской поэтики – мельник, берущий на себя функции Всевышнего («Жил мельник», «Он и мельница», «Одне мельница», «Колода», «Колесо радости жено»).

Метафизика «Божественного» в миропонимании героев лирических произведений Д. Хармса тесно связана с категориями «Смерть» и «Время». Смерть героев в поэзии Д. Хармса трактуется не как конечная категория в судьбе человека, а наоборот – как «отправная» точка для новой запредельной жизни. В хармсовском художественном мире представлена трехчастная модель мира: небные – пограничная зона – бытие. Этим трем понятиям соответствуют земная жизнь – смерть – небесная сфера. Человек совершает путь преобразований, начиная с первой ступени. Линия, соединяющая все три сферы, одностороннена – ведет только вверх, исключая обратное или повторное движение. Из этого следует, что философская концепция автора, отразившаяся в воззрениях героев, заключается в отображении стремления человека к внутренней гармонии, к единению с Богом, к духовной целостности. Это, в свою очередь, позволяет говорить о снятии смысла абсурдности относительно рассмотрения смерти как физического ухода. Таким образом, становится понятным, почему Д. Хармс сам толкает своих героев в могилу, заставляя их «бежать» к смертному одру («Старуха», «Оленикову»).

Хармсовский художественный мир образуют символические образы смерти: дворники, сторожа, старики/старухи, дети, всадники, кони. Дворник всегда находится рядом с умершим, присутствует в момент проводов человека в загробный мир, олицетворяя собой смерть, страшное предзнаменование конечности и хрупкости мирской жизни. Старики/старухи и дети у Д. Хармса являются маркерами границы между жизнью и смертью, символизируют собой переход в разные бытийные топоры. Старость и детство неизменно

связаны с категорией «времени», которой подвластно превратить человеческое существование в одно мгновение. «Время» способно стирать жизни людей, решать человеческие судьбы, оно обуславливает возникновение абсурда нарушением физических законов. Конь и всадник являются провозвестниками смерти и истины, однако в стремлении к переходу в иной мир («Конец героя», «Кучер стыл», «Скупость», «Падение с моста», «Мчится немец меж домами» и др.) познания истины хармсовские герои пытаются всячески избежать, что доказывают взаимоотношения коня и наездника («Пророк с Аничкиного моста», «Жизнь человека на ветру»).

В эстетике Д. Хармса абсурд репрезентируется и через совершенно прогивоположную авторскую трактовку культурных образов, поскольку основная функция проводников в загробный мир приобретает у обэриута положительное значение, эти фигуры помогают героям достичь конечной цели – покоя, к которому стремятся герои на протяжении всей жизни («Скупость», «Ку Шу Тарфик Ананан», «Обращение учителей к своему ученику графу Джекону», «Я плавно думать не могу», «Старуха», «Я долго смотрел на зеленые деревья..» и др.).

В **Заключении** содержатся основные выводы работы, задается перспектива дальнейшего исследования.

По теме диссертации опубликованы следующие статьи:

1 Павлихина, И.Ю. Традиции русской народной смеховой культуры в изображении Адама и Евы Д. Хармсом [Текст] / И.Ю. Павлихина // Святоотеческие традиции в русской литературе. Сб. матер. научн. конф. Ч. 1 – Омск: Вариант-Омск, 2005 – С. 20–21 (0,15 п.л.).

2 Павлихина, И.Ю. Аксиологические модели драматического водевиля Д. Хармса «Адам и Ева» [Текст] / И.Ю. Павлихина // Матер. XII Междунар. конф. студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов». Г. 4 – М.: Изд-во МГУ, 2005 – С. 365–366 (0,1 п.л.).

3 Павличина, И Ю Субъектная организация «Адама и Евы» Д Хармса [Текст] / И Ю Павличина // Пушкинские чтения—2005 Матер X Междунар научн конф «Пушкинские чтения» – СПб САГА, 2005 – С 133–134 (0,2 п л)

4 Павличина, И Ю Смысловые сферы художественного пространства «Адама и Евы» Д Хармса [Текст] / И Ю Павличина // Диалектика рационального и эмоционального в искусстве слова Сб науч ст – Волгоград Панорама, 2005 – С 322–325 (0,2 п л)

5 Павличина, И Ю Дешифровка эсхатологических мотивов в произведениях Д Хармса [Текст] / И Ю Павличина // Коды русской классики Сб науч ст – Самара Универс-групп, 2006 – С 127–130 (0,25 п л)

6 Павличина, И Ю «Любовь–Бог–творчество» – концептуальная триада художественного мира Д Хармса [Текст] / И Ю Павличина / Святоотеческие традиции в русской литературе (Памяти Д С Лихачева) Сб науч трудов – Омск Вариант-Омск, 2006 – С 225–227 (0 2 п л)

7 Павличина И Ю Концепт «сон» как значимый элемент поэтики поэтов-обэриутов [Текст] / И Ю Павличина // Ученые записки Орловского государственного университета Т IV Серия Литературоведение Русская поэзия проблемы поэтики и стиховедения – Орел Изд-во ОГУ , Каргуш, 2006 – С 74–76 (0,2 п л)

8 Павличина И Ю Категория «абсурд» в историко-философском осмыслении [Текст] / И Ю Павличина // «Молодежь XXI века – будущее российской науки» (матер докладов IV Всерос науч-практич конф студентов, аспирантов и молодых ученых) – Ростов-на-Дону ЦВВР, 2006 – С 51-52 (0,15 п л)

9 Павличина, И Ю Любовь – животворящая или разрушающая духовная сила в жизни и творчестве Д Хармса? [Текст] / И Ю Павличина // Проблемы духовности в русской литературе и публицистике XVIII–XXI веков Матер Междунар научн конф – Ставрополь Ставропольское книжное изд-во, 2006 – С 167–171 (0,3 п л)

10 Павличина, И Ю «Человек-прирола» как доминирующая модель взаимодействия в стихотворном наследии Д Хармса [Текст] / И Ю Павличина // <http://artm.lipetsk.ru/texts/pavl01.html> (0,4 п л)

11 Павличина, И Ю Психологический подход в изучении абсурдистских текстов (на примере произведений поэтов-обэриутов) [Текст] / И Ю Павличина // Русская литература XX–XXI веков проблемы

теории и методологии изучения Матер 2-й Междунар научн конф – М Изд-во МГУ, 2006 – С 265–268 (0,25 п л)

12 *Павлихина, И Ю* Поэтика обэрунутого абсурда в контексте эстетики авангарда [Текст] / И Ю Павлихина // Наследие В В Кожинова и актуальные проблемы критики, литературоведения, истории филологии в изменяющейся России Матер 5-й Междунар науч-практич конф Ч 2 – Армавир Кавказская типография, 2006 – С 182–187 (0,4 п л)

13 *Павлихина, И Ю* Модель человека в абсурдистских текстах Д Хармса [Текст] / И Ю Павлихина // Международная научная конференция «Русская литература в меняющемся мире» Сб ст – Греван Изд-во РАУ, 2006 – С 164–194 (1 35 п л)

14 *Павлихина, И Ю* Теоретические аспекты изучения абсурда в отечественном литературоведении [Текст] / И Ю Павлихина // Альманах современной науки и образования Языкознание и литературоведение в синхронии и диахронии В 3 ч Ч 2 – Тамбов Грамота, 2007 – С 214–217 (0,4 п л)

15 *Павлихина, И Ю* Эстетические функции антропонимов в лирике Д Хармса [Текст] / И Ю Павлихина // Творчество В В Кожинова в контексте научной мысли рубежа XX–XXI веков Сб ст 6-й Междунар науч-практич конф – Армавир ИП Пурыгин В Е, 2007 – С 158–162 (0,5 п л)

16. *Малыгина, И.Ю.* Репрезентация абсурда в лирике Д. Хармса (типология героев) [Текст] / И.Ю. Малыгина // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2007 – Вып. 53. – С 159–162. (0,35 п.л.) [ведущий рецензируемый научный журнал, рекомендованный ВАК]

17 *Малыгина, И Ю* Человек в художественном континууме лирики Д Хармса типологические характеристики [Текст] / И Ю Малыгина // Матер XV Междунар конф студентов аспирантов и молодых ученых «Ломоносов» Секция «Филология» – М МАКС Пресс, 2008 – С 540–543 (0,1 п л)

18 *Малыгина, И Ю* Человек и природа к анализу взаимодействия двух начал в лирике Д Хармса [Текст] / И Ю Малыгина // Филологические науки Вопросы теории и практики В 2 ч Ч 1 – Тамбов Грамота, 2008 – №1 – С 123–126 (0 4 п л)

19 *Малыгина, И Ю* Жанрово-тематическое своеобразие дневников Д Хармса [Текст] / И Ю Малыгина // Пушкинские чтения–2008 Ма-

гер XIII Междунар научн конф «Пушкинские чтения» – СПб ЛГУ им А С Пушкина, 2008 – С 218–225 (0,4 п л)

20 *Малыгина, И Ю* «Смерть» и «Время» как доминантные категории мирообраза в лирике Д Хармса [Текст] / И Ю Малыгина // В В Кожин – выдающийся критик, литературовед, историк, философ XX века Матер 7-й Междунар науч-практич конф – Армавир Изд-во АГПИУ, 2008 – С 152–158 (0,4 п л)

21 *Малыгина, И Ю* «Бог» в мироощущении писателя и его героев (на примере лирики Д Хармса) [Текст] / И Ю Малыгина / Творческая индивидуальность писателя теоретические аспекты изучения Сб матер Междунар науч конф – Ставрополь Изд-во СГУ, 2008 – С 176–182 (0,4 п л)

Подписано в печать 29.09.08

Формат 60х84 1/16
Бумага офсетная

Усл печ л 1,34
Тираж 100 экз

Уч.-изд л 1,07
Заказ 170

Отпечатано в Издательско-полиграфическом комплексе
Ставропольского государственного университета
355009, Ставрополь, ул Пушкина, 1